

ных», но не всегда. Но почему же плоды Истины и Услужности временами бывают разными; один из них «милый», а другой «безобразный» — задает вопрос Третьяковский. Ведь и Правда и Услужность («обе из родящих») являются цветом Добродетели. Взор обеих — «красный», и равных между собой «мало видит Свет». Истина не боится «наглых бурь» и «грозных туч», она их «превозмогает в крепости своей» и как любящая тишину, не терпит («не сносит») «буйных распрь». «Любезная» сестра Истины — Правда «первородная» «остра ссекать» и «обличать» Неправду и не имеет ничего чужого, она «не тщеславна, не пышна», в ее чертоги «царская отверста дверь». Словом Правда — это богиня, так как она дочь «вышнего».

Услужность же не такова: она «кротка» и «в обхождении чесном», т. е. открыто, прямо, стоит особняком; но с кем она вместе — тому предается сердцем; она подобострастна («склónна») и «поспешна» на услуги, не знает лени, никогда открыто не сопротивляется «упрямо», ей не надо приказывать, она делает все сама и еще сама предупреждает приказания, наблюдает, чтобы «делу не быть» напрасным, и если она находится в родстве с вышестоящими, имеющими власть («верхнейшей действительности»), старается «быть всегда пред всеми нйже», т. е. показать, что она не имеет значения. Услужность — тоже богиня и не новая. На Небе, т. е. у Бога, ее родила чистая Любовь. Казалось бы, зная и в Правде и в Услужности столь великие добродетели («драгость»), можно было бы ожидать от них появления «всегдашней Благодати».

Почему же одна (Правда) рождает Ненависть, а другая (Услужность) рождает Друзей («Другов»)? Третьяковский разъясняет эту разницу, так как полагает, что для этого не нужно много слов («мало, мню, потрбно слово»):

Истинна и в красоте, несколько сурова,
 А Услужность повсегда угождать готова.
 Истинна желает всюду госпожею быть;
 А Услужность хочет никак всем рабыней сыть.

Истина свою правду говорит твердо и открыто, а Услужность терпит и прикидывается молчаливой («зрится молчаливо»).

Иначе говоря, Правда всегда действует открыто, а Услужность действует молча, скрытно.

В заключение Третьяковский восклицает:

Истинну ль возлюбят Велемнящи? Да что ж?
 Крайню Раболепность: Истинна таким, как-нож.